

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ. ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЗАВАЛИШИН Андрей Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент Хабаровской академии экономики и права, РЯЗАНЦЕВ Игорь Павлович - доктор экономических наук, профессор, заместитель декана социологического факультета МГУ М.В. Ломоносова.

В последние годы внимание социологов привлекают проблемы региональных социумов. В мировой и российской науке накоплен опыт анализа территориальных (региональных) сообществ. В научный оборот вошли категории социально-территориальная (поселенческая) общность, территориальные интересы, территориальное неравенство, территориальное (региональное) планирование и управление. Вместе с тем, обойден вниманием важный объект социологического анализа, - *территориальное поведение социальных субъектов*. Классические и современные социологические теории социального (экономического, политического, этнокультурного) поведения рассматривают, абстрагируясь от места действия и утверждая, что для социологии это нерелевантно. Исключения составляют исследования города и деревни. Практически такую задачу не ставят ни российские, ни зарубежные ученые, хотя в ряде публикаций ее косвенно раскрывают, характеризуя социально-экономические и социокультурные процессы в России и в мире [1; 8; 13; 32]. Предлагая обсудить сущность территориального поведения, мы преследуем задачу скорее актуализации данной категории.

Выстраивая когнитивную концепцию территориального поведения социального субъекта, мы исходим из факта, что действия (последовательность которых образует поведение), совершаемые субъектами, локализованы в пространстве и времени. Вместе с тем, рассматривать все социальные действия людей, как территориальные, нет оснований: излишнее расширение проблемы превращает ее в абсурд. Задача состоит в выявлении критериев, по которым из спектра социальных действий можно вычлени действия территориальные. На наш взгляд, таких критериев три; 1) это действие, так или иначе опосредованное территорией, на которой оно происходит; 2) это действие, имплицитно включающее данную территорию в акт социального взаимодействия; 3) это действие, основанное на пространственной (территориальной) рефлексии субъекта. Иными словами, территориальным является действие, по отношению к которому территория выступает; 1) как среда, 2) как фактор и 3) как идея.

Первое предполагает, что действие происходит (может произойти) только в данном месте (на данной, четко ограниченной территории) и нигде более, либо здесь и на идентичных территориях (например, в городах), но не в любом месте планеты. Второе означает включение территории в акт социального взаимодействия путем использования ее природных ресурсов, социально-экономической инфраструктуры, факторов протяженности, дислоцирования по отношению к другим территориям. Третье предполагает рефлексию субъекта по отношению к данной территории, самоидентификацию с ней, осознание и переживание протяженности, дистанцированноеTM, коммуникации участников социального взаимодействия на конкретной территории.

¹ Характерно высказывание П. Бергера и Т. Лукмана: "Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона мои манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей" [5, с. 48-49].

² Исключение - монография Е.Б. Мостовой. В ней автор отмечает невнимание исследователей к анализу "пространственных форм производства и жизнедеятельности населения", призывает к изучению территориального поведения субъекта экономической деятельности [см.: 18, с. 31]. Однако в дальнейшем автор не уделил внимания этой проблеме.

Другая задача связана с формулированием фундаментальных проблем, решение которых позволит приблизиться к построению теории территориального поведения. Такими проблемами, на наш взгляд, являются: 1) концептуализация категории *территориальное поведение*; 2) выявление и анализ факторов, продуцирующих территориальное поведение социальных субъектов; 3) типологизация территориального поведения по базовым основаниям; 4) актуализация когнитивной ценности категории *территориальное поведение* для теории и социальной практики.

Концептуализация категории *территориальное поведение* возможна на уровнях социологического знания от метатеоретического (социальная философия) до эмпирического (прикладного). Существует ряд социологических перспектив, достаточных для этого. Необходимо "развернуть" их в первоначальную плоскость, специфицировать в отношении пространства и территории. При первоначальном анализе территориального поведения мы воспользуемся методологическими подходами теорий поведения человека в коммуникативном пространстве (проксемики), социального действия и коммуникативного действия, социального поля и социальных изменений, экономических и социологических концепций экономического поведения (деятельности) социального субъекта.

Концептуализация категории *территориальное поведение*

Категорию *поведение* рассматривают биология, психология, социология. Отличие подходов этих наук в том, как обнаруживается и в чем проявляется поведение человека. Биология рассматривает поведение, исходя из физиологии организма, как реакцию на изменение окружающей среды. Психология оперирует врожденными и приобретенными механизмами, управляющими поведением индивида (обнаруживая истоки поведения в потребностях, интересах, мотивах, диспозициях). Социология анализирует поведение индивида и группы, встроенное в социальный контекст, опосредованный социокультурными нормами, отклонениями от них, санкциями, традициями и обычаями народа (этноса, социально-территориальной общности).

Сравнительно новое направление в психологии - проксемика - рассматривает поведение человека в коммуникативном пространстве. Проксемика может стать отправным пунктом исследования территориального поведения социального субъекта. В центре данного направления - признание реальности образа, который создается с помощью априорных форм познания. И. Кант утверждал, что "формы созерцания и категории мышления не строятся индивидуальным опытом... а просто даны нам априори", они не имеют ничего общего с объективной действительностью, противостоящей мыслящему субъекту [Цит. по: 15, с. 251]. К. Лоренц, признавая близость кантовского и эволюционно-биологического подходов к решению этой проблемы, утверждает, что наше мышление и созерцание формируют подлинный образ действительности, который грубо утилитарным образом упрощен. Однако такого уровня познания достаточно для сохранения вида [15, с. 249].

Центральный концепт проксемики - коммуникативная дистанция, имеющая публичное, социальное, личное и интимное измерения. Коммуникативная дистанция устанавливается между индивидами на основе ряда факторов: культурный фактор (в разных культурах формируется разное представление о "допустимой" дистанции между участниками коммуникации), психопатологический (разные психические состояния личности, в том числе клинические, диктуют разное коммуникативное поведение, устанавливают дистанцию между индивидами), криминалистический (у преступника сравнительно шире поле личного пространства, попадание в которое объекта включает механизм криминальных действий по отношению к нему). Для нашей статьи важно утверждение психологов, что "в определенно организованном пространстве можно наблюдать характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий. Физическая организация среды накладывает печать на их поведение" [28, с. 107]. Последнее имеет значение для психологии индивидуального и массового поведения и для социологии. Применительно к нашему анализу территориальное поведение социального субъекта проксемика трактуется как комплекс индивидуальных и групповых реакций на рефлексию пространства коммуникации в соответствии с априорными представлениями, данными "ми от рождения, и культурными стереотипами, приобретенными в процессе развития и социализации личности.

Исходным для анализа территориального поведения в рамках **теории социального действия** является определение М. Вебера: социальное действие - это элементарная частица чело-

веческого поведения, характеризующаяся осмысленностью с точки зрения целей и средств их достижения, ориентацией на других людей, учитывающей влияние на них и их ответную реакцию (то есть *субъектно-субъектное* действие) [34, с. 85-86]. Т. Парсонс рассматривает социальное действие как систему, включающую четыре подсистемы: социальную (обеспечивает интеграцию действий множества индивидов); культурную (общие образцы действий, принципы выбора целей, ценностей, верований, знаний); личностную (индивидуальные особенности личности актора); органическую (обеспечивает актора физическими и энергетическими ресурсами для *взаимодействия со средой*) [19, с. 461-462]. Последний тезис наиболее важен для нашего анализа, поскольку среда в значительной степени формирует тип действия, характеризуемый как "территориальное". Но корректно ли рассматривать социальное действие в территориальной экспликации?

Теория социального действия выстраивалась М. Вебером и Т. Парсонсом на априорном утверждении, что действие разворачивается в пространстве и во времени. При этом Т. Парсонс, на первый взгляд, парадоксально, подчеркивает, что "отношение субъект-объект не есть отношение, разворачивающееся в пространстве" [19, с. 97, 149], "действие непространственно, но темпорально" (в сноске к данному тезису он поясняет: "Разумеется, каждое конкретное событие тоже происходит в пространстве. Однако для аналитических наук о действии это является нерелевантным" [19, с. 313]). То есть, утверждение о "непространственности" социального действия относится к аналитической теории, к высшему уровню абстрагирования, когда пространство элиминируется, как второстепенный атрибут социального действия. Вместе с тем, в "Структуре социального действия" (1937) Т. Парсонс неоднократно подчеркивает значение среды для корректного анализа социального действия: "Без изучения сложных взаимодействий конечных ценностей, идей, установок, норм различного типа друг с другом, а также с наследственностью и *средой* (курсив наш. - Авт.), конкретная социальная жизнь и действие, как мы их знаем эмпирически и как рассматривает их Вебер, попросту не интерпретируемы и не мыслимы вообще" [19, с. 149].

Последняя идея развита в поздних работах Парсонса. В коллективном труде "К общей теории действия" (1951) он характеризует данную теорию как концептуальную схему анализа поведения людей, включающую: 1) ориентацию поведения на достижение целей или задач или какого-либо предвидимого положения дел; 2) ситуацию (то место, в котором они находятся); 3) нормативную регуляцию; 4) затрату энергии или усилий, т.е. "мотивацию". "Поведение, которое можно подвести под эти термины, - утверждает Т. Парсонс, - и является действием" [19, с. 458-459].

Таким образом, эманация парсонсовской теории от предельно абстрактного социального действия к территориальному действию, как одной из его форм, допускает и требует включения территории (пространства, среды) в анализ. Территориальное действие, как инвариант социального действия, обладает всеми его особенностями, преломленными в социально-природной специфике региона.

В рамках парадигмы социального действия территориальное поведение можно охарактеризовать как действия социального субъекта (отдельной личности или группы, в том числе, территориальной общности), включающие субъект и объект действия, территорию (определенным образом организованное пространство взаимодействия); средства (как персональные качества и потенции субъекта и объекта, так и ресурсы территории, находящиеся в их распоряжении).

В категориях институционального подхода модели территориального поведения детерминируются институциональными нормативными системами, складывающимися на определенной территории. При этом институционализация территориального поведения, как результат формирования устойчивых паттернов социального взаимодействия на данной территории, в условиях данной социокультурной среды приводит к интернализации ее представителями в процессе социализации и к устойчивому воспроизведению в пространстве данной территории и времени (как результат трансгенерационной трансляции). Базовая модель территориального поведения становится социокультурной нормой, подчиняющей себе социальное поведение субъектов. И поскольку социокультурное воздействие поведенческих паттернов носит долгосрочный характер, оно оказывает существенное влияние на развитие социальной, экономической, политической ситуации в регионе на протяжении длительного времени.

Труды М. Вебера и Т. Парсонса легли в основу теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. По сути, его теоретические конструкты продолжают и развивают идеи Парсонса о природе морального и коммуникативного действия [19, с. 356]. Ю. Хабермас с 1960-х гг. в ряде работ противопоставляет понятия "система" - "жизненный мир" (как пространство межлич-

ностной и групповой коммуникации), относя к первому, прежде всего, политико-правовые и экономические институты, ко второму - культурно-социальные. Отсюда начало его дихотомии инструментального и коммуникативного действия (первое характерно для системы, второе - для жизненного мира), идея, получившая законченное воплощение в труде "Теория коммуникативного действия" [32] и ряде поздних работ. Противопоставление инструментального и коммуникативного действий (как имплицитных атрибутов "системы" и "жизненного мира") позволило Ю. Хабермасу утверждать о "колонизации" жизненным миром. Проявляется это, по его мнению, в том, что такие значимые области жизненного мира, как публичная сфера, образование, гражданство в современном обществе начинают подчиняться императивам экономических отношений. Он предложил типологию социального действия, выделив телеологическое действие, действие, регулируемое нормами (моральное действие), драматургическое и коммуникативное действия. Особая роль в современном мире, по Хабермасу, принадлежит коммуникативному действию, основанному на моральных принципах, социокультурных нормах, и предполагающему интеракцию минимум двух социальных субъектов, владеющих речью.

Ю. Хабермас специально не рассматривает коммуникативное действие в территориальной экспликации, однако имплицитно предполагает это. Формулируя тезис о перформативной установке участников коммуникации, Ю. Хабермас утверждает: "Общаясь друг с другом в перформативной установке, говорящий и слушатель участвуют в то же время и в выполнении тех функций, благодаря которым в ходе их коммуникативных действий воспроизводится и общий для них обоим жизненный мир" [27, с. 42]. Хотя исследователь не связывает жизненный мир с пространством и территорией, жизненный мир, как мы покажем ниже (в связи с П. Бурдьё), "легитимирует себя через легитимацию своей проекции" [22, с. 39] на территорию проживания. И происходит это в процессе коммуникации.

Чувство территории (мой дом, моя (общинная - *наша*) земля, мой город (край, страна, Родина) и т.д., будучи социокультурным феноменом и важным атрибутом социализации, присуще каждому человеку. По мнению исследователей [см.: 12; 26], пространственное сознание людей, ощущение места *себя* и *других* на данной территории, опосредующие их территориальное поведение, формирует именно коммуникация. Изучение возникновения пространственной рефлексии, ее влияния на территориальное поведение социального субъекта позволило бы пролить свет на особенности такого поведения. Это сложная задача. Большое пространство (регион, страна, мир, все то, что невозможно охватить взглядом в непосредственном отражении) "само по себе чаще всего не рефлексивируется, не осознается и никак с конкретными механизмами, обуславливающими социальное действие, не сопрягается" [25, с. 194]. На наш взгляд, есть два пути разрешения загадки пространственных мотиваций социального субъекта: 1) социально-психологический (восхождение от потребностей индивидов к их территориальным интересам, от них - к мотивам, стимулам, диспозициям и, наконец, - к территориальному поведению); 2) коммуникативный.

Аргументируя, что насущные жизненные потребности людей на планете имеют антропогенный характер, а потому в целом совпадают (не имеют существенной территориальной привязки), и включают потребности в средствах к существованию (жилище, питание, одежда), безопасности (экологической, экономической, криминальной), счастье (моральном удовлетворении), самореализации и т.д., можно утверждать, что территориальное поведение порождается не различиями в потребностях, а *неадекватными возможностями их удовлетворения* на разных территориях. Осознание того, что данная территория (в силу разных причин) не обеспечивает реализацию насущной потребности, порождает *территориальный интерес*. В отечественной социологии первыми сформулировали понятие и систематически изложили базовые территориальные интересы Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина [11]. Включившиеся в дискурс исследователи [10; 23; 24] артикулировали территориальные интересы, главным образом, в виде социально-экономических требований: увеличения социально-экономического потенциала, расширения разнообразия рабочих мест, возможностей использования ресурсов, развития социальной инфраструктуры, повышения внутренней и внешней связности, улучшения социально-психологического климата, включая порядок и безопасность, сохранения природной и культурно-исторической среды территории.

Можно выделить две стратегии реализации территориальных интересов индивидов и групп: "инновационную" и "миграционную". Первая предполагает удовлетворение потребностей (реализацию интересов) путем привлечения социально-экономических ресурсов, использования аппарата управления и политических институтов территории (в регионе); вторая - миграцию с неблагоприятной территории на предпочтительную. Все виды миграции (за ис-

ключением принудительной и мобилизационной) представляют собой форму территориального поведения, спровоцированную установкой массы индивидов на ретритизм, как способ реализации интересов. При этом мигранты "экспортируют" паттерны территориального поведения прежнего места жительства в районы нового заселения, что при массовой миграции может вести к росту напряженности в регионе, вызванному появлением "чужих" и давлением импортированных форм территориального поведения на местные формы.

В категориях социальной психологии и теории коммуникативного действия территориальное поведение можно описать, как коммуникативно-инструментальные действия индивидов и групп (складывающаяся "внутри" социально-территориальной общности и между общностями), являющуюся рефлексией их территориальных интересов и формирующую на данной территории жизненное пространство и политико-экономическую систему, призванные обеспечить успешную адаптацию к условиям проживания на ней посредством как стратегического (политико-экономического) телеологического действия, так и коммуникативного (вербального (непосредственного) и технологического (опосредованного)) обмена.

В рамках теорий социальных изменений и социального поля П. Штомпки [29] анализ территориального поведения основывается на его "темпоральности", т.е. на том, что оно *происходит, длится* во времени на определенной территории, формируя совокупность разноуровневых полей социального взаимодействия, как относительно изолированных друг от друга, так и взаимопересекающихся. Территориальное поведение предстает непрерывным процессом изменения (или последовательности состояний) социальных полей, сложившихся на данной территории в целостность, обеспечивающую их устойчивое взаимодействие.

П. Штомпка вводит четыре категории, операционализируя социологический анализ социальных изменений: структура, агенты, деятельность и действия. По его мнению, есть два уровня социальной реальности: уровень индивидов и уровень общностей. Первый представляют отдельные люди или члены конкретных коллективов, второй - абстрактные социальные целостности наиндивидуального типа, представляющие специфическую социальную реальность. Социальные целостности - не просто совокупности индивидов или метафизические сущности, а *структуры*, социальные индивиды - не пассивные объекты или полностью автономные субъекты, а *деятели*, ограниченные в своей деятельности. И *структуры* и индивидуальности существуют в социальной реальности в двух качествах - в качестве потенциальной *возможности* и в *действительности*. Первое предполагает заложенные в них возможности будущего, второе - процессы, трансформации, развитие, поведение и т.д. [29, с. 268-292].

Используя методологию П. Штомпки, территориальное поведение можно концептуализировать как процесс преобразования потенций деятелей (индивидуальностей) и структур (социально-территориальных общностей) в действия и деятельность, формирующие межсубъектные сети, не сводимые к сумме деятелей-субъектов, то есть, обладающие эмерджентными свойствами. Данный подход позволяет разработать модели территориальных экспликаций поведения социальных субъектов. Их использование позволит при анализе конкретных территориальных сообществ выявить глубинные причины паттернов территориального поведения и способы воздействия на них в желаемую сторону.

Идею Ю. Хабермаса о дихотомии стратегического и коммуникативного действия можно рассматривать как предпосылку анализа территориального поведения с позиций экономической социологии и экономической теории [см.: 4; 7; 17; 30]. В данном случае базовую категорию - *экономическое поведение*, характеризующую объект изучения экономической теории и экономической социологии, на наш взгляд, можно успешно концептуализировать и в территориальной экспликации. Действительно, территория в пространстве формирования социально-экономической инфраструктуры, природные ресурсы, которыми она обладает, - материальная основа жизни. Природно-экономические различия территорий продуцируют разницу форм экономического поведения на них. Вместе с тем, до последнего времени территориальные особенности развития экономики преимущественно изучали экономисты и географы. Они ограничивались описанием пространственного размещения объектов инфраструктуры» полезных ископаемых, демографических групп и промышленных производств, не учитывая субъективный фактор - преобразующую активность человека. В экономической теории субъект деятельности (*homo oeconomicus*) - лишен каких-либо интересов, кроме максимизации прибыли. Но абстрактный "продуцент" не похож на реально действующих в социально-экономической сфере людей. В экономической социологии, от М. Вебера и Т. Парсонса до современных исследователей, ученые пытались "оживить" экономического человека, наде-

ля его социокультурными характеристиками. Однако они не рассматривали поведение социально-экономического субъекта в территориальной экспликации.

Среди иных форм социального поведения территориальное поведение, очевидно, имеет наиболее интегративный характер, поскольку включает в себя все типы поведения, имеющиеся в данной местности (экономическое, политическое, религиозное, образовательное, этнокультурное, миграционное и проч.). В настоящее время внимание исследователей привлечено преимущественно к анализу территориального политического (прежде всего - электорального) поведения граждан [см.: 2; 9; 20; 31]. Однако важнейшую роль в жизни общества играет поведение в рамках социально-экономических отношений, которое влияет на иные типы территориального поведения, включая политическое. Это позволяет концептуализировать территориальное поведение в категориях экономической социологии и экономической теории.

Территориальное социально-экономическое поведение

Выше указаны три критерия, позволяющие идентифицировать территориальное поведение социального субъекта. Если их конкретизировать по отношению к территориальному социально-экономическому поведению (в дальнейшем для краткости обозначим его ТП), они выглядят следующим образом: это поведение, 1) опосредованное территориальным разделением труда; 2) предполагающее использование ресурсов данной территории (природных и социально-экономических); 3) основанное на пространственной (территориальной) рефлексии экономического субъекта. Первый и второй критерии соотносимы с объективными факторами формирования ТП, третий - с субъективным фактором, проанализированным выше.

Материальной основой и важнейшим атрибутом ТП является участок земной поверхности (территория). При этом наличие сообщества, проживающего и хозяйствующего на данной территории, автоматически не приводит к его возникновению. На наш взгляд, важнейшей причиной ТП выступает *территориальное разделение труда*.

В первобытном обществе не существовало территориального разделения труда. Относительно изолированная территориальная общность воспроизводила все виды хозяйственной и иной деятельности на родо-племенной территории. Первобытные сообщества по содержанию хозяйственно-экономической деятельности практически не отличались друг от друга, отсутствовал даже примитивный товарообмен, следовательно, не было и ТП (то есть, поведение субъектов не было территориально дифференцировано и детерминировано). Изначальная (первичная) территория, на которой возникает специфическая социально-экономическая деятельность - территория домохозяйства. Появление домохозяйства (части земной поверхности, на которой размещаются жилые и хозяйственные постройки конкретной семьи и которую в силу первичности и незначительной площади можно условно назвать *территориально-экономической единицей*), выделение его из прежде гомогенной в хозяйственном отношении среды обитания явилось своего рода социально-экономической революцией доисторической эпохи. Вместе с тем, специфика традиционного домохозяйства (до настоящего времени сохраняется у некоторых народов Африки, Латинской Америки и в сильно деформированном виде - у коренных народов Крайнего Севера) предполагает интегральные формы хозяйствования: место проживания является одновременно и местом хозяйственной деятельности (производство, распределение, потребление). Возникновение домохозяйств не привело к территориальному разделению труда, но было важным шагом в этом направлении. При этом само домохозяйство стало площадкой, где складывались условия последующего возникновения элементарного ТП.

Первое территориальное разделение труда, положившее начало ТП, связано с возникновением городов. Появление средневекового города (античный город представлял собой интегрированное поселение - город-деревню, где домохозяйства оставались преимущественно на-

³ Ряд авторов анализирует экономическое поведение на примере регионов (административных образований) России и мира, не актуализируя территориальный аспект [см.: 3; 16; 21 и др.].

Проблема общественного разделения труда привлекала внимание многих исследователей (А. Смит, К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Т. Парсонс и др.), однако до настоящего времени попытки создания теории территориального разделения труда, насколько нам известно, не предпринимались.

туральными) привело к возникновению уникального территориального разделения труда: горожане производили ремесленную продукцию, крестьяне - продукцию земледелия и скотоводства [см. подробнее: 6]. Возник товарообмен, без которого не могли существовать ни деревня, ни город. При этом, "территориальной единицей" ТП выступало домохозяйство: крестьянская семья в деревне и семья ремесленника в городе территориально объединяли место жительства и место производственной деятельности. Возникновение товарообмена между двумя этими типами хозяйств (межхозяйственной территориальной коммуникации) привело к появлению низовой (первичной) территориальной поведенческой структуры, объединяющей город с прилегающими к нему селениями. Социально-экономическая коммуникация возникала параллельно с политической и социокультурной (город формировал правовое пространство, обеспечивал управление, оборону, социокультурную (в т.ч. конфессиональную) идентичность и т.д.). Аккумуляция комплекса социально-экономических, политических и социокультурных отношений на территории города и связанной с ним сельской местности порождала регион низшего уровня, в котором оказывались пространственно разнесены, но территориально интегрированы в единую социально-экономическую систему два базовых типа экономической деятельности: производство (аграрное и ремесленное) и обмен. Первое дислоцировалось в домохозяйства!, местом второго был рынок.

Возникновение более высокого уровня ТП связано с развитием капиталистических производственных отношений, появлением новых *промышленных* территорий - мест размещения мануфактур, фабрик, заводов и т.п. Произошла вторая территориальная социально-экономическая революция: отныне оказались пространственно разнесены место жительства и место работы. Индивид на разных территориях выступает в разных качествах и ведет себя по-разному: на территории предприятия он *производит*, дома — *потребляет*. Различение таких типов экономического поведения, как производство и потребление территориально детерминировано.

С развитием капиталистической экономики и укреплением централизованного государства возникает третий уровень территориального разделения труда, связанный с потребностями развивающегося хозяйства. Начинается отраслевая специализация, опосредованная факторами наличия/отсутствия полезных ископаемых, близости к транспортным артериям (первоначально водным), готовности населения к тем или иным видам труда (позже - наличие квалификации, уровня образования, профессионального статуса и т.д.). Территориальное разделение труда выходит за границы региона и охватывает целое государство, дифференциация регионов формирует его региональные особенности.

Высший на сегодняшний день (мегауровень) ТП связан с глобализацией, возникновением мир-системы, формированием мирового хозяйства, международным разделением труда, одной из причин которого является специфическое ТП населения того или иного государства. Ничем иным нельзя объяснить то, что страны, обладающие примерно равным запасом полезных ископаемых (в условных единицах), не имеющие существенной разницы в геополитическом положении, нередко принципиально отличаются друг от друга в экономической стратификации. Одни (термины И. Валлерстайна) являются ядерными, другие полупериферийными, третьи относятся к периферии. В каждом из этих типов государств на политико-экономической карте мира население демонстрирует различные типы ТП. В их основе - базовые архетипы, паттерны, складывавшиеся веками и воспроизводящиеся от поколения к поколению. Достаточно сравнить модели хозяйственного поведения населения Германии, России, Китая, чтобы понять, о чем идет речь. Различия в ТП народов этих государств столь очевидны, что фиксируются не в научной и обыденной рефлексии.

Можно выделить уровни ТП, соответствующие уровням территориальных форм разделения труда: *микроуровень*, складывающийся в пространстве элементарной территориально-экономической единицы (домохозяйства); *мезоуровень*, возникающий в регионе (город с прилегающей сельской местностью, интегрированный политико-административно и экономически, а позже - провинция, префектура, область, край и т.д.); *макроуровень*, складывающийся в

⁵ Хозяйственно-экономическую дифференциацию семьи (домохозяйства) Т. Парсонс охарактеризовал как процесс "освобождения" от аскриптивных связей, указав на возникающее противоречие между общественным мнением, ориентированным на традиционно интегральный статус домохозяйства (приемлемый статус в общине связан с наличием "собственного дела". Человек, работающий по найму - гражданин второго сорта), и потребностями формирующегося капиталистического производства [19, с. 710» 712].

Таблица

Уровни ТП	Социально-исторические типы экономических систем			
	Присваивающий (первобытный)	Аграрный (феодалный)	Индустриальный (капиталистический)	Постиндустриальный (глобальный)
Микро	+	+	+	+
Мезо	-	+	+	+
Макро	-	-	+	+
Мега	-	-	-	+

границах национального государства; *мегауровень*, возникающий в глобальном сообществе в результате международного разделения труда.

Если соотнести эти уровни с социально-историческими типами экономических систем, получается следующая картина.

Как видно из таблицы, каждый предыдущий уровень ТП не отрицается более высоким, а встраивается в него, образуя своеобразную "матрешку", аккумулирующую опыт ТП социальных субъектов, следствием чего, очевидно, и является значительная устойчивость базовых паттернов, воспроизведение архетипов ТП каждым новым поколением людей.

Еще одной объективной причиной формирования ТП, наряду с территориальным разделением труда, являются влияния ресурсов территории (природных и социально-экономических) на субъектно-субъектные территориальные взаимодействия, превращающая их в *субъектно-объектно-субъектные*. Данный тезис, на наш взгляд, не нуждается в специальном доказательстве. Очевидно, что своеобразие ландшафтов и природных ресурсов продуцирует паттерны социально-экономического поведения, оптимальные для данной экологоэкономической системы. В подтверждение последнего сошлемся на А.И. Зырянова, который с позиций социально-экономической географии анализирует влияние ландшафтов на формирование типов территориальных социально-экономических образований. Такие системы, доказывает автор, возникают на рубежах контрастности - линиях разломов (границах) природно-географических ландшафтов и опосредуются их спецификой [14]. Каждый тип территориальной социально-экономической системы характеризуется, помимо прочего, определенной моделью ТП, складывающейся под воздействием факторов антропогенных и природных.

Выводы. Мы утверждаем: территориальное поведение - важный атрибут социального поведения людей, имплицитно включающий территорию в субъектно-субъектные отношения. Благодаря стечению и переплетению комплекса факторов, интегрированных на каждой данной территории, столетиями формировались устойчивые паттерны территориального поведения, до настоящего времени существенно влияющие на поведение людей. Территориальное поведение пронизывает все формы социального поведения индивидов и общностей. Наибольшее значение для науки и практики имеет анализ территориального социально-экономического поведения (ТП). Различение моделей ТП возникает по причине природно-климатических особенностей территорий и территориального разделения труда. При этом на разных уровнях обобщения, в разные исторические периоды мы обнаруживаем разные уровни территориального разделения труда и соответствующие им уровни ТП, как бы "встроенные" друг в друга. Анализ этих уровней, конкретных форм ТП, характерных для регионов и государств мира, позволит приблизиться к пониманию причин многих проблем современного глобального сообщества.

Данная цель ставит перед социологами ряд научно-исследовательских задач. Среди них: типология ТП по основаниям экономическим, социокультурным, этносоциальным, историческим и т.д.; выявление базовых и фоновых (первичных и вторичных) факторов, влияющих на формирование конкретных типов ТП; разработка и описание формализованных моделей ТП; поиск путей воздействия на ТП с целью его изменения, оптимизации, приведения в соответствие с потребностями общественного развития. Особенно это актуально для России, в которой, в отличие от большинства других стран, представлено большое разнообразие форм ТП (поведенческая карта РФ очень пестрая).

Не лишено оснований мнение, что ТП в нынешнем виде не нуждается в кардинальном изменении. В глобализирующемся мире каждый регион, каждый народ находят свое место, свое предназначение, демонстрируют оптимальное для данной территории и ее населения ТП. Возможно, задача состоит не в повышении территориальной гомогенности человеческого сообщества (в том числе и поведенческой), а в достижении *оптимального сочетания* территориальных форм поведения, гармонизации и гуманизации территориальных коммуникаций, переводе их в плоскость органической солидарности на глобальном уровне. Последняя задача также может найти решение в рамках концепции территориального поведения.

Человек живет не просто на земле, он обитает в конкретном топосе, оплодотворяя его своей деятельностью. Когнитивная ценность введения в социологию региона категории *территориальное поведение* в том, что она позволяет выявить онтологические связи между людьми и территорией, на которой они существуют, представить эти связи в виде целостной экосоциальной системы, получить интегральный образ общества более высокого теоретического уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесова Г.А., Астафьева О.М.* Социокультурное развитие российских регионов: Механизм самоорганизации и региональная политика. М., 2001.
2. Анализ тенденций развития регионов России в 1991-1996 гг.: Политические ориентации населения регионов России. М., 1997.
3. *Архипова Т.А.* Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирований: Авт. дис. канд. экон. н. Ростов-н.-Д., 2001.
4. *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. Т. 1. Вып. 1. 1993. С. 24-40.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
6. *Вебер М.* Город // Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М., 1994. С. 309-446.
7. *Верховий В.И., Зубков В.И.* Экономическая социология. М., 2002.
8. *Гуревич М.А.* Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям (На примере Челябинской области). Челябинск, 2001.
9. *Дагамук И.Г.* Духовно-культурные мотивации политического поведения молодежи республики Адыгея: Авт. дис. канд. социол. н. Майкоп, 2000.
10. *Доленко Д.В.* Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск, 1993.
11. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерк теории. Новосибирск, 1991.
12. *Земцов П.А.* Коммуникативное пространство в контексте социальных изменений. Саратов, 2003.
13. *Зинков Е.Г.* Руральные основания формирования социокультурного пространства региона. Ростов-н.-Д., 2001.
14. *Зырянов А.И.* Ландшафтные рубежи контрастности и территориальные социально-экономические системы. Пермь, 1995.
15. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала / Пер. с нем. М., 1998.
16. *Лылова О.В.* Демографические процессы и экономическое поведение сельского населения в условиях реформ: авт. дис. канд. экон. н. М., 2001.
17. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М., 2000.
18. *Мостовая Е.Б.* Двойственность субъекта экономической деятельности. Новосибирск, 1993.
19. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000.
20. Политическая культура и политическое поведение нижегородских избирателей / *Е.В. Ахметова, П. С. Волоковых, Л.С. Дятлова и др.* Нижний Новгород, 2001.
21. *Сияхудинов Г.М.* Стереотипы социального поведения менеджеров в современном мире (На примере региона Юго-Восточной Азии). Авт. дис. канд. соц. н. М., 1997.

22. Соуклер З.А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство; Междисциплинарные исследования. Реферативный сб. / Отв. ред. Л.В. Гирко. М., 2003.
23. Территориальные интересы: Сб. науч. тр. / Науч. ред. А.А. Ткаченко. Тверь, 1999.
24. Троцкий А.Л. Социально-территориальная структура региона; Строеие и основные тенденции трансформации. Новосибирск, 1997.
25. Филиппов А.Ф. Большое пространство: возможности социологического изучения // Социолог. чтения: Сб. матер. междунар. семинара "Современные социологические теории и подходы. Диалог между Россией и Западом" (19-22 декабря 1995 г., Москва). Вып. 1. М., 1996. С. 185-200.
26. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М., 2003.
27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб., 2001.
28. Черноумек М. Психология жизненной среды / Пер. с чеш. М., 1989.
29. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
30. Coleman J. Rational Choice Perspective on Economic sociology / The Handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994. P. 166-187.
31. Graham M. The Beginner's Book of Australian Politics. Wentworth Falls, 1986.
32. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1981.
33. Maloney C. Behavior and Poverty in Bangladesh. Dhaka. 1986.
34. Weber M. Economy and Society. Vol. 1. Berkley, 1987.